

А. М. Сточик, С. Н. Затравкин

ОРГАНИЗАЦИЯ И СОДЕРЖАНИЕ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА НА МЕДИЦИНСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В СВЯЗИ С ВВЕДЕНИЕМ УСТАВА 1835 г.

Сообщение I. Медицинский факультет в "Общем Уставе Императорских Российских Университетов" 1835 г.

Московская медицинская академия им. И. М. Сеченова, НПО "Медицинская энциклопедия" РАМН

Преобразования в организации и содержании учебного процесса, происшедшие на медицинском факультете Московского университета в связи с введением в действие нового университетского Устава 1835 г. по праву могут быть отнесены к числу самых "незамеченных" отечественными историками медицины. По существу из всего комплекса нововведений в литературе упоминается только о двух: увеличении с 6 до 10 числа кафедр медицинского факультета и установлении с 1835 г. 5-летнего срока обучения¹. Более подробное описание предусматривавшихся Уставом 1835 г. новаций и единственную попытку дать оценку этому документу в плане его влияния на судьбу медицинского факультета Московского университета нам удалось обнаружить лишь в статье Ф. Р. Бородулина "200 лет I МОЛМИ им. И. М. Сеченова". Новым уставом, писал Ф. Р. Бородулин, "была отменена автономия университетов. Ректор, деканы, профессора отныне не избирались Советом университета, а назначались министром. Кафедры философии по-прежнему оставались под запретом, но на всех факультетах вводился курс богословия и церковной истории. Заявления о зачислении в университет от лиц "низкого происхождения" должны были подаваться не ректору университета, а попечителю учебного округа, который "под благовидным предлогом" не допускал их в университет. Неограниченно расширялась власть попечителя округа, увеличивались права инспектора. Устав 1835 г. и вся система все более усиливавшегося николаевского режима... сделали свое дело: с середины 30-х до середины 50-х годов в деятельности факультета, за единичными исключениями, не ощущался тот высокий взлет ищущей новых путей научной мысли, который имел место в предыдущие годы"².

Однако, если сопоставить данные, приведенные Ф. Р. Бородулиным, даже с текстом "Общего Устава Императорских Российских Университетов" (1835 г.), не говоря уже о фундаментальных исследованиях истории становления и развития системы народного просвещения в России, выполненных, например, С. В. Рождественским или М. И. Сухоминовым, то складывается впечатление, что в России в 1835 г. был принят еще один и совершенно другой университетский устав.

Так, например, утверждение Ф. Р. Бородулина о том, что "ректор, деканы, профессора отныне не избирались Советом, а назначались министром", полностью противоречит сразу четырем параграфам Устава 1835 г. В частности, параграф 30 прямо определял, что: "...1) Избрание Ректора, Почетных Членов и Корреспондентов, 2) Избрание Профессоров и Адъюнктов; назначение их к разным по Университету должностям..." относится к числу главных и непосредственных "предметов занятий Совета"³. По Уставу Совет университета не избирал лишь де-

канов, которые согласно параграфу 68 должны были "избираться Факультетами на четыре года из Профессоров Ordinарных..."⁴. Без коллегиального решения Совета университета или вопреки ему министр "по собственному своему усмотрению" мог назначать только профессоров или адъюнктов "на вакантные кафедры". Однако, как свидетельствуют известные факты истории медицинского факультета Московского университета, этим правом министр пользовался лишь в исключительных нетерпевших отлагательства случаях. Обычно же министр либо утверждал кандидата, избранного Советом, либо (в случае своего несогласия) предлагал Совету провести повторные выборы и представлял другого кандидата.

Не соответствует положениям Устава 1835 г. и заявление Ф. Р. Бородулина об "оставлении под запретом кафедр философии". Особенно одиозным оно выглядит в свете того, что Уставом 1835 г. предписывалось вновь восстановить в российских университетах философские факультеты, существование которых без кафедр философии попросту немыслимо. В списке кафедр I Отделения философского факультета в II параграфе Устава 1835 г. отдельная кафедра "Философии" значится под первым номером⁵.

Что же касается отмены Уставом 1835 г. автономии Московского университета, то следует заметить, что устав не мог лишить университета того, что он уже с начала XIX века, со времени включения его в единую государственную систему учебных заведений, не имел. Если же под автономией университета Ф. Р. Бородулин имел в виду университетское самоуправление, то Устав 1835 г. не отменял, а лишь ограничивал его. Определенному "стеснению" как за счет предоставления министру уже упоминавшихся полномочий назначать профессоров и адъюнктов, так и вследствие разрешения попечителю председательствовать на заседаниях Совета с правом решающего голоса, подверглось "выборное начало". Была отменена одна из важнейших традиционных привилегий университета, заключавшаяся в том, что до 1835 г. все члены Московского университета могли быть подвергнуты только университетскому суду; университет лишился прав управления учебным округом; существенно возросла власть попечителя, ставшего "первым членом университета", который поступал "под его непосредственное начало".

"Общий Устав Императорских Российских Университетов" 1835 г. к числу документов демократического толка, безусловно, не относился, однако превращать университеты в кадетские корпуса его составители не собирались. Все то, о чем писал Ф. Р. Бородулин, произошло значительно позднее, на рубеже 40—50-х годов, и с Уставом 1835 г. ничего общего не имело. Более того, как только были закрыты кафедры философии, ликвидировано "выборное начало", введены негласные сословные ограничения для поступающих в университет, немедленно встал вопрос о необходимости подготовки нового университетского устава⁶. Зачем столь серьезно и авторитетному исследователю, каким по праву может считаться Ф. Р. Бородулин, понадобилась эта фальсификация, сказать трудно. Наверное, у него были на то определенные причины, но сейчас важнее другое. Во многом благодаря Ф. Р. Бородулину за

¹См., например: Страшун И. Д. 175 лет/175 лет Первого МГМИ. — М., 1940. — С. 20; Российский Д. М. 200 лет медицинского факультета Московского государственного университета. — М., 1955. — С. 63; Архангельский Г. В. Ф. И. Иноземцев и его значение в развитии русской медицины. — М., 1959. — С. 35.

²Бородулин Ф. Р. 200 лет I МОЛМИ им. И. М. Сеченова / Очерки по истории I МОЛМИ им. И. М. Сеченова. — М., 1959. — С. 20.

³Общий Устав Императорских Российских Университетов // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. — Т. 2. — Ч. 1. — СПб., 1875. — Стб. 748 (Далее: Устав... — Стб. 748).

⁴Устав... — Стб. 753.

⁵Там же... — Стб. 744.

⁶Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. — СПб., 1901. — С. 262—266.

Уставом 1835 г. прочно закрепились "слава" крайне реакционного и обвинение в создании на медицинском факультете Московского университета условий, противоречивших "высокому взлету ищущей новых путей научной мысли".

Вместе с тем обнаруженные нами архивные документы свидетельствуют, что такая оценка Устава 1835 г. вряд ли может считаться объективной. Предписывавшиеся им нововведения не ограничивались лишь увеличением числа кафедр и продолжительности обучения на медицинском факультете, а представляли собой целый комплекс весьма принципиальных преобразований, коснувшихся практически всех аспектов организации и содержания учебного процесса на факультете, подавляющее большинство из которых сыграло существенную позитивную роль в дальнейшем совершенствовании программы подготовки врачей.

Прежде всего следует отметить, что новый устав и штаты предусматривали значительное расширение материально-технической базы как университета в целом, так и его медицинского факультета. По сравнению с Уставом 1804 г. доходная часть бюджета Московского университета должна была увеличиться более чем в 2 раза. Были повышены оклады профессорам и адъюнктам; увеличен объем финансирования клинических институтов, лабораторий, музеев, библиотеки; выделены средства на создание новых музейных коллекций ("зоологической", "фармакологической", "собраний" хирургических и акушерских инструментов), на организацию и строительство "Зоотомического театра" и "Практического ветеринарного заведения"⁷.

Кардинальному пересмотру подвергся порядок приема и зачисления студентов в университет. Собеседование ректора и нескольких назначенных им профессоров с абитуриентами навсегда сменилось детально проработанной процедурой проведения вступительных экзаменов. "Все желающие вступить в число студентов Университета, — гласил параграф 91 Устава, — должны выдержать предварительное испытание по правилам, изданным Министерством Народного Просвещения..."⁸.

Главная задача, которую были призваны решить эти правила, высочайше утвержденные в 1837 г. и получившие название "Правила испытания для желающих поступить в Университет"⁹, заключалась в том, чтобы не допустить в университеты молодых людей, не имевших достаточной для изучения университетских курсов наук среднеобразовательной подготовки. На необходимость решения этой задачи внимание руководителей Министерства народного просвещения было обращено еще в 1831 г. Николаем I, до которого дошли сведения, "что в университеты часто поступают молодые люди студентами без надлежащих предварительных познаний, отчего не в состоянии будучи следить за чтением университетских лекций вместо приобретения высшего образования теряют понапрасну время"¹⁰. Тогда же Николай I специальным указом повелел "строго соблюсти, чтобы впредь в студенты университета никто не был принимаем, не окончив в гимназии полного курса положенных наук"¹¹.

Однако, отдавая должное справедливости требований императора, разработчики и составители Устава 1835 г. подошли к решению этой проблемы значительно более гибко. Они отлично понимали, что в случае, если доступ в университет будет открыт только выпускникам гимназий, число которых было крайне невелико, то высшая школа снова может остаться без учащихся, и, исходя из этого, поступать в университеты разрешалось всем, кто хотел в них учиться и достиг 16-летнего возраста, но при этом зачислялись только те, кто мог сдать вступительный экзамен. Из сказанного не следует делать вывод, что руководители Министерства народного просвещения пошли против воли императора. Согласно Правилам абитуриент должен был сдавать 7 вступительных экзаменов: а) закон Божий, священная и церковная история; б) Российская грамматика, Словесность и Логика; в) Языки: Латинский, Немецкий и Французский; г) математика до конических сечений включительно; д) Физика; е) География и статистика; ж) История¹², которые, за исключением экзамена по "Чистописанию, Черче-

нию и Рисованию", в точности соответствовали перечню и содержанию выпускных гимназических "испытаний"¹³.

В результате, полностью сохранив идеологию императорского указа, разработчики Правил создали возможность для поступления в университеты не только выпускникам гимназий, но и лицам, получившим начальное и среднее образование дома, за границей или в духовных учебных заведениях, и тем самым существенно поддержали медицинские факультеты, студентами которых зачастую становились молодые люди, относившиеся к двум последним категориям абитуриентов. Как-либо других, кроме уровня среднеобразовательной подготовки, например сословных, ограничений для поступления в университет ни Устав, ни Правила не вводили. Правда, для некоторых абитуриентов предусматривались льготы, но они также не носили сословного характера: "Получившие удовлетворительные аттестаты от Гимназий об окончании в сих заведениях полного курса и об успехах окончательного в оных испытания, — говорилось, в частности, в параграфе 2 Правил, — если удостоены притом одобрительными отзывами о поведении, могут быть освобождаемы от вторичного испытания при поступлении в Университет, но не иначе как по представлению Попечителя Учебного Округа, с разрешения Министра Народного Просвещения и смотря по доверенности, которую заслуживает Гимназия"¹⁴. Была и еще одна категория абитуриентов, которым Правила предоставляли определенные льготы при поступлении в университет. К ней относились выпускники духовных училищ, желавшие пройти курс подготовки в Медицинском институте. Для них параграфом 14 Правил предусматривались чуть более упрощенные вступительные "испытания": "При требовании в Медицинские Институты Университетов учеников Духовных Семинарий, доколе в том надобность существовать будет, надлежит, по необходимости, ограничиваться при испытании предметами, преподаваемыми в сих заведениях, именно: Российским и Латинским языками, начальными основаниями математики, географией, историей и логикой..."¹⁵.

Вступительные экзамены должны были проводиться 1 раз в год в июле перед началом очередного учебного года. Большинство предметов соискателям шпаги и студенческого мундира полагалось сдавать "изустно" специальной комиссии, назначаемой попечителем под председательством ректора, в которую входили профессор и (или) адъюнкты от всех факультетов. По ряду дисциплин (русской словесности, иностранных языки, математика) абитуриенты были обязаны отвечать на вопросы письменно. При этом важно отметить, что Правила кардинально меняли подход к проведению вступительных экзаменов. Если до реформы 30-х годов ректор и профессора опрашивали поступавших в университет сразу по всем предметам, знание которых было обязательным для зачисления, и тут же принимали решение, то теперь все абитуриенты должны были последовательно сдавать 7 отдельных экзаменов, для каждого из которых назначался свой состав экзаменационной комиссии.

Для проведения "изустных испытаний" Совету университета предлагалось разработать по каждой дисциплине экзаменационные билеты, или согласно терминологии того времени "свертки", включавшие по три вопроса, которые предварительно должны были быть рассмотрены "в факультетах по принадлежности". Для письменных экзаменов также полагалось подготовить "темы сочинений, тексты для переводов и задачи. По Российской словесности темы должны быть такого рода, чтобы из отработывания оных явствовало не только знание Грамматики и Риторики, но и степени умственного образования вообще"¹⁶. Проверка экзаменаторами письменных работ должна была проходить в присутствии абитуриента и предполагала возможность задавать ему дополнительные вопросы.

Знания поступавших оценивались по 5-балльной шкале от 0 до 5: 0 — "худо", 1 — "слабо", 2 — "посредственно", 3 — "хорошо", 4 или 5 — "отлично". Оценки после каждого экзамена оглашались публично и заносились в специальные "списки", на основании которых после сдачи последнего экзамена рассчитывался "средний вывод познаний каждого" (сумма полученных баллов, деленная на число экзаменов). Чтобы быть принятым в университет, "средний вывод" должен был составлять не менее 3, а точнее 2,5, поскольку согласно параграфу 30 Правил, "если после деления при целом числе окажется дробь, то 1/2 и больше принимаются за единицу"¹⁷. Но кроме "сред-

⁷Устав... — Стб. 769.

⁸Там же. — Стб. 757.

⁹Правила испытания для желающих поступить в Университет // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. — Т. 2. — Ч. 2. — СПб., 1866. — Стб. 169—170 (Далее: Правила — Стб. 169—176).

¹⁰Рождественский С. В. Цит. соч. — С. 188.

¹¹Там же. — С. 188—189.

¹²Правила... — Стб. 171.

¹³Рождественский С. В. Цит. соч. — С. 200.

¹⁴Правила... Стб. 169.

¹⁵Там же. — Стб. 172.

¹⁶Там же. — Стб. 174.

него вывода", равного или превышающего 3, для зачисления необходимо было еще не "иметь в каких-либо двух предметах по 1", сдать как минимум на 3 "закон Божий и Российскую Словесность"¹⁸, а "в Латинском языке иметь по крайней мере 2"¹⁹.

Фактически "Общим Уставом Императорских Российских университетов" и "Правилами испытания для желающих поступить в университеты" был создан прообраз современной конкурсной процедуры приема в высшие учебные заведения, которая позволила, во-первых, исполнить волю монарха и не допускать в университеты лиц "без надлежащих предварительных познаний", а во-вторых, обеспечила возможность ликвидировать существовавший еще с XVIII века обязательный для студентов всех факультетов курс "приуготовительных наук" и тем самым дополнительно увеличить время, отводимое на специальную подготовку.

Из сказанного, однако, не следует делать вывод, что начиная с 1835—1937 гг. студенты медицинского факультета университета больше не изучали общеобразовательных наук, а сразу же приступали к освоению специальных предметов. Такие дисциплины, как математика, физика, химия, ботаника, зоология, минералогия, логика, иностранные языки, остались неотъемлемой составной частью учебной программы подготовки врача. Более того, число общеобразовательных дисциплин даже увеличилось за счет добавления обязательного курса "закона Божьего"²⁰. Однако, если ранее медики изучали комплекс общеобразовательных наук, преподававшихся одновременно студентам всех факультетов, в полном объеме, то после введения нового порядка приема в университет для них на медицинском факультете стали читаться особые существенно сокращенные и переработанные курсы, содержавшие только те сведения, которые были необходимы будущему врачу. Этому посвящались первые примерно полтора года обучения.

Далее студенты медицинского факультета приступали к освоению собственно "врачебных наук", перечень и распределение которых по кафедрам также подверглись существенному пересмотру. В отечественной историко-медицинской литературе, как уже говорилось, этот факт стал одним из немногих, "замеченных" исследователями. "В организации преподавания, — писал, например, тот же Ф. Р. Бородулин, — произошли следующие изменения: кафедре нормальной анатомии придавался курс патологической анатомии и "важнейшие статьи" из сравнительной анатомии; курс физиологии переходил к кафедре общей патологии заново; учреждалась кафедра семиотики и кафедра частной патологии и терапии; кафедра хирургии разделялась на две самостоятельные кафедры: хирургии теоретической ("умозрительной") и хирургии операционной с задачей к последней курса глазных болезней; кафедре повивально-го искусства придавался курс женских и детских болезней и оспопрививания; заново учреждалась кафедра судебной медицины, медицинской помощи и истории медицины; кафедре фармации придавался токсикология, "изъяснение минеральных вод", диететика или гигиена (на выбор). Без перемен оставалась лишь кафедра скотолечения. Всего на медицинском факультете оказывалось 10 кафедр (против шести по уставу 1804 г.) и притом с большим числом добавочных курсов"²¹. Похожее описание предусматривавшихся Уставом 1835 г. нововведений в плане организации и содержания учебного процесса с большими или меньшими искажениями текста параграфа 13 Устава²² можно встретить и в публикациях Д. М. Российского²³, И. Д. Страшуна²⁴, Г. В. Архангельского²⁵ и др.

Однако, забегая несколько вперед, следует заметить, что все эти описания верны лишь отчасти. Устав 1835 г., действительно, предусматривал создание на медицинских факультетах российских университетов 10 кафедр, но из этого вовсе не следует, что на медицинском факультете Московского университета после его введения "оказалось 10 кафедр". Остается только удивляться, как упомянутым выше исследователям, единодушно заявившим об учреждении в 1835 г. отдельной кафедры семиотики, удалось не заметить, что в период действия Устава 1835 г. на медицинском факультете Московского университета не существовало ординарного профессора по этой дисциплине, или как им удалось не обратить внимания на тот факт, что

клинику внутренних болезней и курс частной патологии и терапии, которые согласно их "версии" читались на одной кафедре, преподавали два ординарных профессора.

Уже в 1835/36 учебном году в процессе введения нового устава на медицинском факультете Московского университета в него сразу же был внесен ряд поправок. Во-первых, было принято решение разделить кафедру клиники: "Клиники: а) Частная патология и Терапия; б) Клиника в больнице" на две самостоятельные кафедры: частной патологии и терапии и терапевтической клиники и для преподавания этих разделов внутренней медицины ввести две ординарные профессорские должности. Во-вторых, также на две отдельные кафедры было поделено преподавание комплекса фармацевтических дисциплин. В-третьих, вместо предусматривавшихся уставом двух Хирургических кафедр было организовано три: а) "Общая и Частная Хирургия с Наукою о переломах и вывихах"; б) "Хирургия оперативная с клиническою и Анатомия Хирургическая"; в) Окулистика с Клиникою Глазных болезней и Десмургия". И, наконец, в-четвертых, ликвидирована самостоятельная кафедра семиотики, для преподавания которой был введен отдельный адъюнкский курс на кафедре терапевтической клиники²⁶.

В литературе об этих поправках к тексту параграфа 13 Устава не говорится ни слова. Причем они не упоминаются не только при обсуждении вопросов, связанных с принятием нового университетского устава, но и далее, когда описываются организация и содержание учебного процесса, сложившиеся на медицинском факультете Московского университета во второй половине 30-х — первой половине 40-х годов. Так, например, Д. М. Российский, разбирая проблему преподавания в эти годы фармацевтических дисциплин, писал: "С 1835 г. по новому университетскому уставу кафедра лекарствоведения получила наименование кафедры врачебного веществословия, куда входили: а) общая терапия, б) врачебное веществословие с токсикологией и изъяснением минеральных вод, в) фармацевта, г) рецептура, д) диететика и гигиена... Кафедру врачебного веществословия занял Александр Алексеевич Иовский..., много сделавший для дальнейшего развития науки о лекарственных веществах... В 1845 г. на кафедру врачебного веществословия вместо ушедшего в отставку А. А. Иовского был назначен Николай Богданович Анке, руководивший ею до 1863 г."²⁷. Из приведенной цитаты следует, что в период с 1835 по 1863 г. на медицинском факультете Московского университета существовала только одна кафедра фармацевтических дисциплин, возглавлявшаяся профессором А. А. Иовским, который затем уступил ее А. Б. Анке. В действительности же, фармацевтические дисциплины с 1835 по 1845 г. читались на двух отдельных кафедрах. А. А. Иовский преподавал только "Фармацию, рецептуру, токсикологию и изъяснение минеральных вод (в смысле химическом)", а другая часть курса "Общая терапия, гигиена, врачебное веществословие и изложение минеральных вод (в смысле врачебном)" читалась на второй кафедре, профессором которой с 1835 г. был никто иной как А. Б. Анке²⁸. И этот пример, к сожалению, далеко не единственный.

²²Предусматривавшаяся Уставом 1835 г. кафедра "Клиники: а) Частная Патология и Терапия; б) Клиника в больнице" называется в публикациях Д. М. Российского, И. Д. Страшуна, Г. В. Архангельского кафедрой "Клиники (частная патология и терапия)", в то время как курс частной патологии и терапии не являлся тогда ни составной частью курса терапевтической клиники, ни его эквивалентом. Указанная в Уставе кафедра "Врачебного веществословия: а) Общая Терапия; б) Врачебное Веществословие, Токсикология и изъяснение минеральных вод; в) Фармация; г) Рецептура и д) Диететика или Гигиена" названа Д. М. Российским "врачебное веществословие, токсикология, "изъяснение" минеральных вод, фармация, рецептура, диететическая гигиена". Отсутствие у Д. М. Российского отдельного курса общей терапии и произвольное объединение диететики и гигиены в курс "диететической гигиены" в особых комментариях не нуждаются. В работе Г. В. Архангельского в названии этой же кафедры отсутствует раздел курса о минеральных водах; в кафедре "Повивального искусства" не упоминаются ни курс, посвященный "способу прививания оспы", ни отдельный курс "помощь родильницам и лечение их и новорожденных".

²³Российский Д. М. Цит. соч. — С. 63.

²⁴Страшун И. Д. Цит. соч. — С. 20.

²⁵Архангельский Г. В. Цит. соч. — С. 35.

²⁶ЦИАМ. — Ф. 418. — Оп. 5. — Д. 1. — Л. 3—3 об.

²⁷Российский Д. М. Цит. соч. — С. 81—83.

²⁸ЦИАМ. — Ф. 418. — Оп. 5. — Д. 1. — Л. 3 об.

¹⁷Правила... — Стб. 175.

¹⁸"Иностранцы и иноверцы, желающие поступить в медицинский факультет ... могут быть допущены в Университет, если имеют и не более 2 в Российской Словесности" / Правила... — Стб. 175.

¹⁹Правила... — Стб. 175.

²⁰Устав... — Стб. 745.

²¹Бородулин Ф. Р. Цит. соч. — С. 20.

Однако оставим на время проблему введения Устава 1835 г. в действие на медицинском факультете Московского университета. Этот вопрос в силу его огромной важности и совершенной неизученности заслуживает значительно более подробного рассмотрения и будет отдельно изложен ниже. Сейчас лишь отметим, что действия профессоров Московского университета и руководителей Министерства народного просвещения по перераспределению учебных дисциплин медицинского факультета между кафедрами и введению дополнительных профессорских курсов, хотя и определили весьма радикальный пересмотр параграфа 13 Устава, ни в коей мере не противоречили Уставу в целом. В примечании к главе II, одним из составляющих которой был и параграф 13, прямо говорилось, что "предметы преподавания для каждого Факультета, выше всего означенные, могут, по усмотрению Министра Народного Просвещения, быть умножены или до времени сокращены, смотря по местным обстоятельствам и по удобности приискания способных преподавателей"²⁹. Возможность увеличения числа преподавательских должностей, в том числе профессорских, подтверждалась и параграфом 3: "Каждый Факультет состоит из учащихся и учащихся. Число первых определяется штатом, но может быть увеличено по мере надобности..."³⁰. Отдельно заметим, что в этом плане Устав 1835 г. был даже демократичнее Устава 1804 г., которым разрешалось увеличивать только количество адъюнктовских должностей.

На освоение сокращенных и адаптированных для будущего врача курсов математики, физики, логики, химии, ботаники, зоологии, минералогии, иностранных языков, полного курса богословия и собственно "врачебных наук" Уставом 1835 г. отводилось 5 лет. До истечения этого срока никто из поступивших на медицинский факультет не мог быть ни экзаменован, ни тем более аттестован на какое бы то ни было медицинское звание или ученую степень. Как уже говорилось, в отечественной историко-медицинской литературе факт увеличения продолжительности обучения на медицинском факультете называется, однако при этом не упоминается другое ничуть не менее существенное нововведение, предписывавшееся, кстати, тем же самым параграфом 100, который начинался словами: "Университетское преподавание вообще разделяется по полугодиям..."³¹. Иными словами, Устав, кроме введения 5-летнего срока обучения, предписывал разработать и установить строго фиксированный набор учебных дисциплин для каждого из 10 полугодий, в течение которых студенты должны были осваивать курс наук медицинского факультета и тем самым законодательно утверждал качественно новый "курсовой" тип организации учебного процесса.

Значение этого чисто организационного решения, предложенного составителям Устава Ю. Х. Лодером, для совершенствования программ подготовки врачей на медицинских факультетах российских университетов трудно переоценить. Распределение учебных дисциплин по годам обучения позволило преодолеть важнейший недостаток прежней цикловой системы организации учебного процесса, при которой отсутствовала строгая университетская последовательность преподавания наук. Последнее, по словам М. Я. Мудрова, приводило к тому, что студенты "слушают преподаваемое им учение со всевозможным вниманием, с напряжением всех своих умственных способностей и не понимают того, что говорят им профессора, ибо беспрестанно слышат незнакомые им выражения и ссылки на науки, которых они еще не знают... Они удволяют свое прилежание, но тщетно стараются усвоить себе слушаемое ими в одно время учение десяти и более различных наук: вместо точных, стройных и ясных познаний, наполняют они лишь голову свою беспорядочным сбродом разнородных, несвязанных и темных понятий, которых, несмотря ни на какое старание, не могут ни обозреть, ни привести в порядок"³². Только с введением курсовой системы организации учебного процесса, предпологавшей строгое распределение всех предметов по годам обучения, удалось создать оптимальную последовательность преподавания, при которой студентам была представлена возможность "ежегодно, по мере снижаемых ими сведений, постепенно переходить от одной науки к другой и, наблюдая такую очередь, к концу назначаемого учебным планом срока приобрести потребное врачу познание всей медицины и всего

врачебного искусства"³³, при которой клиническая подготовка стала завершающим и основным этапом обучения на медицинском факультете.

Но и этим важнейшим нововведением университетская реформа середины 30-х годов XIX столетия не исчерпывалась. С принятием "Общего Устава Императорских Российских Университетов" весьма существенному пересмотру подверглась и процедура проведения выпускных университетских экзаменов, которые на медицинских факультетах, начиная с 1810 г., стали одновременно являться и государственной аттестацией на медицинские звания, дававшие право на самостоятельную врачебную практику³⁴. И хотя новый порядок аттестации на медицинские звания определялся не Уставом 1835 г., а специальными "Правилами испытания медицинских, ветеринарных и фармацевтических чиновников и вообще лиц, занимающихся врачебною практикою", высочайше утвержденными в 1838 г., для молодых людей, завершивших обучение на медицинском факультете Московского университета и желавших посвятить себя врачебной практике, эти два самостоятельных документа представляли собой единое целое. Для них Правила превращались в непосредственное продолжение главы 6 Устава, определявшей "порядок проведения всех университетских испытаний", и в примечании к ней говорилось, что "О возведении в ученые степени по медицинской части и о присвоенных сим степеням правах и преимуществах существуют особые постановления..."³⁵. В свою очередь в Правилах в целом ряде разделов, которыми должны были руководствоваться экзаменаторы при "испытании" выпускников медицинских факультетов университетов, давались прямые ссылки на Устав. Более того, сам факт замены ранее действовавших "Правил об экзаменах медицинских чиновников" (1810 г.) был вызван главным образом принятием в 1835 г. новых уставов для четырех российских университетов и Санкт-Петербургской медико-хирургической академии.

Согласно новым Правилам выпускники медицинских факультетов могли претендовать только на звание лекаря. Существовавшая ранее возможность быть аттестованным на звание (ученую степень) доктора медицины отныне полностью ликвидировалась. Для того чтобы быть допущенным к "испытанию" на звание доктора медицины, требовалось как минимум уже иметь "звание лекаря и прослужить в нем" от 4 до 6 лет³⁶, что, кстати говоря, полностью коррелировало с соответствующим положением Устава, определявшим порядок аттестации на ученую степень доктора по другим факультетам. Претендовать на докторскую степень отныне разрешалось только тем, кто уже был удостоен степени магистра и только через год после защиты магистерской диссертации³⁷.

Следующее нововведение касалось порядка формирования экзаменационной комиссии и означало окончательное признание органами государственной власти медицинских факультетов российских университетов в качестве полноправных высших учебных медицинских заведений. Отныне "при врачебном экзамене в Университетах" при полном сохранении его статуса уже не требовалось обязательного присутствия "одного или двух Членов Врачебной Управы или других медицинских чиновников, доверия заслуживающих"³⁸. Экзамены на любые медицинские звания должны были принимать только профессора медицинского факультета.

Изменялось и содержание самого "лекарского испытания". Во-первых, выпускники медицинских факультетов должны были теперь сдавать экзамены не по тем 16 предметам, которые указывались в Правилах, а, как гласило примечание к параграфу 14, по всем наукам, "которые, на основании уставов сих заведений, в течение полного курса им были излагаемы"³⁹.

³³ Там же. — С. 266.

³⁴ Сточик А. М., Затравкин С. Н. "Устав Императорского Московского Университета и его введение на медицинском факультете // Проблемы социальной гигиены и история медицины. — 1997. — № 5. — С. 45—46.

³⁵ Устав... — Стб. 759.

³⁶ Правила испытания медицинских, ветеринарных и фармацевтических чиновников и вообще лиц, занимающихся врачебною практикою // Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения. — Т. 2. — Ч. 2. — СПб., 1875. — Стб. 1440—1441 (Далее: Правила испытания медицинских чиновников. — Стб. 1440—1441).

³⁷ Устав. — Стб. 760.

³⁸ Правила об экзаменах медицинских чиновников // Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения. — Т. 1. — СПб., 1874. — Стб. 542.

²⁹ Устав... — Стб. 746.

³⁰ Там же. — Стб. 743.

³¹ Там же. — Стб. 758.

³² Мудров М. Я. О пользе врачебной пропедевтики, то есть медицинской энциклопедии, методологии и библиографии / В кн. М. Я. Мудров. Избранные произведения. — М., 1949. — С. 268.

И мы не случайно упомянули число 16. В новых Правилах соответствующий параграф с подробным перечислением всех 16 экзаменационных дисциплин сохранился практически без изменений, но стал относиться только к тем, кто хотел сдать лекарский экзамен и при этом не обучался ни в каком-либо из российских университетов, ни в академии. Выпускники же медицинского факультета Московского университета, претендовавшие на звание лекаря, сдавали не 16, а, как свидетельствуют обнаруженные нами архивные документы, 27 (!) экзаменов, на которые Правилами отводилось 6 недель. Правда, справедливости ради, следует заметить, что часть из этих 27 экзаменов, а именно минералогию, ботанику, зоологию, математико-физику, химию, фармацию, им пересчитывали по результатам вешенной сессии после четвертого полугодия⁴⁰.

Во-вторых, в ходе следующего этапа "лекарского испытания" соискатели этого звания должны были не только "сделать анатомио-физиологическую демонстрацию какого-либо органа или части тела" и "доказать, что умеют производить так называемые малые Хирургические Операции", но также "вскрыть мертвое тело по правилам Судебной Медицины" и "сделать Хирургическую Операцию на мертвом теле с описанием подвергающихся операции частей"⁴¹. Последнее, безусловно, не означало, что после 1835—1838 гг. лекари — выпускники медицинского факультета Московского университета были уже не только интернистами, но и хирургами. Для получения права на самостоятельную хирургическую практику по-прежнему требовалось пройти дополнительную аттестацию и получить звание медико-хирурга, которое, кстати, с этого времени в табели о рангах медицинских чиновников перестало уже быть выше звания доктора медицины. Однако введение дополнительного "испытания" из области оперативной хирургии произошло не случайно. Оно явилось прямым следствием целого направления реформы университетского медицинского образования 30-х годов XIX века, заключавшегося в стремлении прежде всего руководителей Министерства народного просвещения значительно расширить объем хирургической подготовки на медицинских факультетах, о чем будет подробно сказано ниже.

Заключительный этап лекарского экзамена посвящался тому, "чтобы удостовериться в практических способностях испы-

туемого", для чего "назначаются ему в медицинской и хирургической клиниках больные, не менее трех в каждой, коих он должен лечить под руководством Профессоров, по крайней мере, в продолжении двух недель. После чего представляет на рассмотрение собранию экзаменаторов составленные им истории болезней с выводами (epicrisis) и свидетельство Профессоров клиник об окончании сей части испытаний и оказанных им при этом познаниях"⁴². И вот как раз в этот последний этап "испытания", после которого уже следовало присвоение звания, новые Правила вносили самые радикальные изменения. Примечанием к процитированному выше параграфу, на первый взгляд, совершенно неожиданно, учитывая общую направленность реформы на придание университетскому медицинскому образованию более специального и практического характера, определялось, что он "относится до посторонних лиц, подвергающихся экзамену в ... Университетах"⁴³. Иными словами, начиная со второй половины 30-х годов студенты медицинского факультета Московского университета для получения лекарского звания не должны были больше проходить практического "испытания" в клинике у постели больного.

Однако ничего неожиданного в таком решении не было. Уставом 1835 г., которым вводилась курсовая система организации учебного процесса, значительно расширился объем клинического преподавания и увеличивалась его продолжительность до 2 лет, и Правила составляли одни и те же люди. И им, как, возможно, никому другому, было совершенно очевидно, что, если профессор-клиницист в течение 2 лет занятий и по результатам нескольких этапных "испытаний" не сможет составить себе представления о том или ином студенте, то это ему тем более не удастся в течение 2 недель на выпускном экзамене. Отмена практического "испытания" у постели больного в клинике не только не противоречила общему духу осуществленных преобразований, но, напротив, решиться на такой шаг было возможно только в результате проведенной реформы организации и содержания учебного процесса на медицинских факультетах российских университетов, основополагающим документом которой стал новый общероссийский университетский Устав 1835 г.

Поступила 24.03.98

³⁹Правила испытаний медицинских чиновников... — Стб. 1440—1441.

⁴⁰ЦИАМ. — Ф. 418. — Оп. 346. — Д. 30. — Л. 32—33.

⁴¹Правила испытания медицинских чиновников... — Стб. 1441.

⁴²Там же. — Стб. 1441.

⁴³Там же.